

ВАДИМ КАЗАКОВ

ЛЕТОПИСЬ ВЯТИЧЕЙ

Вадим Казаков

**Летопись вятичей. Часть вторая.
Повести безвременных лет**

«Автор»

2026

Казаков В. С.

Летопись вятичей. Часть вторая. Повести безвременных лет /
В. С. Казаков — «Автор», 2026

Любовь и битвы, жар пламени и холод смерти, магия и верования предков славян - всё есть в этой книге. На берегах Оки и Жиздры разворачиваются события тысячелетней давности: сменяют друг друга племена, сплетаются судьбы героев по воле Древних Богов, а Большие Реки всё несут и несут свои воды... Молодая княгиня всходит на погребальный костёр вслед за мужем, а наёмный воин переворачивает свою жизнь за один лишь взгляд незнакомки - как откликнутся эти поступки нам, их потомкам? Удивительный мир "Летописи Вятичей" это не просто книга, это уже более 10 песен и клипов по мотивам повествования, где голоса героев «Летописи» пробиваются к нам сквозь века...

© Казаков В. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Звёздная дорога	5
Глава 2.	20
Провидец	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вадим Казаков

Летопись вятичей. Часть вторая.

Повести безвременных лет

Глава 1.

Звёздная дорога

В космическом пространстве существует некое ядро откуда мы черпаем знания, силы, вдохновение. Я не проник в тайны этого ядра, но знаю, что оно существует.

Никола Тесла

Всякое совпадение имён, чинов и званий является непреднамеренным и случайным.

– Нет, нет, нет, это решительно невозможно! Боже мой, какой вздор, право слово, – Пётр Алексеевич вскочил с постели, мотая головой из стороны в сторону, будто ломовой мерин, нежелающий тащить перегруженную сверх всякой меры телегу. – нет, ну каково? Один и тот же сон! И третий раз кряду. Приснится же такое?

Здесь надобно поведать читателю, что нашему дражайшему Петру Алексеевичу, как и любому другому российскому подданному, пусть даже и состоявшему в VIII классе, снились сны. Не то чтобы они снились ему часто, бывало, даже вовсе и не часто, если не сказать, что редко. Но вот содержание только что просмотренного сновидения, о первую пору своего появления в голове Петра Алексеевича вызвавшего всего лишь недоумение, а на вторую лёгкую обеспокоенность, к третьему разу вызвало чувство крайнего недовольства вкупе с довольно пугающей Петра Алексеевича картиной признания его окружающими не совсем здоровым, если не сказать более, вовсе и не здоровым.

– Быть может, следует показаться доктору? Да-с... Именно так. Не посоветоваться ли для начала с Михаилом Семёновичем?

Вышеупомянутый Михаил Семёнович, титулярный советник, служил или, скорее можно сказать, обретался, в той же губернской гимназии, где имел честь отбывать свою службу и сам Пётр Алексеевич. Нельзя сказать, чтобы они с Михаилом Семёновичем состояли в доверительных приятельских отношениях, однако, служа одному делу, то бишь, народному просвещению, были, что называется, отнюдь не шапочного знакомства.

А посему, Пётр Алексеевич, едва представилась такая возможность, по окончании уроков, с лёгким сердцем поставив «отлично» подающему надежды гимназисту Савину и выправив в журнале двойку ученику Дмитрюкову за посредственное знание предмета, а также, по устоявшейся привычке, про себя кляня недавнюю реформу просвещения, а более того, даже самого бывшего министра внутренних дел графа Толстого, которого он в душе считал отступником, поставившим предмет истории на ступень ниже математики, отправился к царству Асклепия, коим в губернской гимназии служил кабинет уездного врача, человека безусловно прогрессистских взглядов, способным, по мнению многих, и, в частности, Петра Алексеевича, выслушать, понять и оделить добрым, и дельным советом.

– Чем обязан Вашему визиту, уважаемый Пётр Алексеевич? – Михаил Семёнович захлопнул книгу, на титульном листе которой Петр Алексеевич успел прочитать лишь два слова: «Хирургическая АНАТОМИЯ».

– Да, собственно, Михаил Семёнович, я вот по какому делу. Можно сказать, пустяковому.

– Ну, так уж и пустяковому. Да на Вас лица нет! Здоровы ли Вы?

– Я? Здоров... То есть... Не совсем... В некотором смысле. – При этих словах Пётр Алексеевич опасливо покосился на человеческий скелет, в качестве учебного анатомического пособия прикреплённый к деревянной подставке. Никто не знает, за какие такие грехи онный скелет был заточён в кабинете врача при губернской гимназии. Но всем своим видом скелет выражал бренность земного бытия и напрасные надежды на жизнь вечную.

– Любезнейший Пётр Алексеевич! Как можно быть здоровым «в некотором смысле»? Вы, голубчик, либо здоровы, либо нет. Да-с.

– Прошу прощения, Михаил Семёнович, я, право, теряюсь, не знаю, с чего и начать.

– Отчего же теряетесь? Начните как обычно.

– Ах, да... Как обычно. Как обычно! – обрадованно повторил Пётр Алексеевич и спросил:

– Как здоровье Вашей дражайшей супруги? Как дела у нашего будущего гимназиста?

– Благодарю покорнейше, моя дражайшая супруга здорова. Митенька тоже в добром здравии, насколько может быть в добром здравии пятилетнее чадо, а вот Вы, Пётр Алексеевич, меня всё больше озадачиваете. Что у Вас стряслось?

– Сон, – неожиданно для себя быстро ответил Пётр Алексеевич.

– Что, простите?

– Меня беспокоит сон.

– Ах, сон, – недоумённо протянул Михаил Семёнович, – ну так это, право, пустяки, надо больше совершать прогулок, желательно не на извозчике...

– Нет, Вы не поняли, дорогой Михаил Семёнович, – неожиданно для себя резко прервал речь наместника Асклепия на Земле Пётр Алексеевич, – дело в том, что мне три раза подряд снится один и тот же сон. Да такой, как бы это сказать, странный, необычный, не знаю, как и выразиться даже. Возможно, наш учитель словесности, Иван Данилович, высказался бы более ясно и определённо, но, увы. Я не могу-с.

– И что же это за сон, позвольте полюбопытствовать? – В уголках губ Михаила Семёновича появилась некая претензия на улыбку. Впрочем, как истинный радатель своего дела, он дал пациенту, а всё-таки, как ни крути, коллега по гимназии был в данном случае его пациентом, возможность высказать в полной мере свою озабоченность. – Ну же, голубчик. Присядьте. Рассказывайте. – И Михаил Семёнович указал жестом на свободный табурет, приставленный к стене рядом со скучающим скелетом.

– Благодарю Вас, коллега. А, была не была! – и Пётр Алексеевич приступил к повествованию.

Первое время доктор слушал, не перебивая. Минуты через три или того менее он вскочил и, бормоча себе под нос нечто вроде «хм, однако», начал расхаживать аршинными шагами по кабинету от стола к окну и обратно. Время от времени Михаил Семёнович останавливался и, против своего обыкновения, замирал у окна, задумчиво глядя на то, как дворник с переменным успехом пытается одолеть кучки конского навоза, оставшиеся после проехавшего мимо здания гимназии экипажа 1-ой пожарной части.

– Ну вот, собственно, и всё. – Пётр Алексеевич закончил рассказ и, достав из кармана сюртука платок, отчего-то вытер им совершенно сухой лоб.

– М-да-с... Прелюбопытно. Весьма прелюбопытно, – Михаил Семёнович продолжал в возбуждении прохаживаться, будто и не обращая внимания на то, что рассказ коллеги закончен. – А что же, Пётр Алексеевич, второй сон был точно таким же?

– Ну как Вам сказать... Почти. То есть, сюжет был таким же, однако, вскрылись новые подробности и, я бы даже сказал, некоторые из таковых весьма и весьма любопытные. Мне, как учителю истории, уж точно.

– Прелюбопытно, да-с. Весьма!

– И что Вы об этом думаете?

– Ну-у... – протянул Михаил Семёнович, явно не зная, как следует отнестись к рассказу своего коллеги, – с точки зрения исторической, я думаю, Ваш рассказ, дорогой Пётр Алексеевич, заслуживает всяческого подробного изучения.

– А с точки зрения медицинской? – Учитель истории нервно заёрзал на табурете.

– С точки зрения медицины, дорогой мой Пётр Алексеевич, сказать сложно-с. Да-с. То есть, с одной стороны, современная медицина допускает, что во сне человеку может привидеться всякое. С другой стороны, обилие довольно мелких деталей, *partes parvae*, так сказать, о которых Вы, голубчик, мне поведали и о которых, как Вы соизволили выразиться, не имели до того ни малейшего представления, заставляет меня задуматься о том, даже не знаю, как и сказать... Не является ли Ваш случай, коллега, предметом изучения не моего, а нашего с вами коллеги, Ивана Семёновича?

– Математики?

– Физики, дорогой мой, фи-зи-ки! – чётко и по слогам произнёс доктор, наставительно подняв указательный палец в побелённый недавно потолок.

– Не понимаю, при чём здесь физика? – Пётр Алексеевич нервно начал теревить серебряную пуговицу на шюртуке.

– А вот причём! Вы, вероятно, знаете, что наш с вами век является, не побоюсь этого слова, веком величайших открытий и изобретений! Чего только стоит изобретение паровых машин! А электрических свечей? А нынешняя выставка, проходящая в Париже? Каких только изобретений там нет! Начиная от самоходных экипажей, движимых отходами от производства керосина, фотографических кабин и до машинной галереи! Да что там выставка! Мы живём в новом мире! Оглянитесь вокруг!

При этих словах доктора Пётр Алексеевич невольно оглянулся, дабы лишний раз убедиться, что скучающий скелет остался на месте.

– Кстати, надеюсь, Вы читали в газетах о ходе выставки? – Вдруг спросил Михаил Семёнович.

– Да, в общих чертах... Ознакомился, – Петру Алексеевичу вдруг стыдно стало признаться, что тему проходящей в Париже выставки он почти полностью пропустил, посчитав её не то, чтобы недостойной внимания, но какой-то несерьёзной, отдающей коммивояжёрским душком.

– Так вот, – с жаром продолжил доктор, – наука не стоит на месте! И кто знает, сколько ещё изобретений будет сделано до конца века. Возможно, что кто-то, скажем, какой-нибудь англичанин или немец, быть может даже француз или американец, какой-нибудь последователь Бирда, провели некий физический опыт, который мог повлиять на Ваши, милостивый государь, сновидения.

– Честно сказать, Михаил Семёнович, я не встречался в последнее время ни с англичанами, ни тем более, с американцами. Разве что с немцами, да и то, к слову сказать, все знакомые мне немцы далеко не физики и даже не изобретатели. Хотя, постойте, третьего дня я встретился с бароном фон Розеном... Так, по пути в гимназию. Нет, право слово, это всё не то.

– Разумеется, не то! – хозяин кабинета вновь зашагал от стола к окну. – При чём здесь Стефан Феодорович? Он полковник, а не физик. Впрочем, одно другому не мешает. Но... Не в нашем случае, при всём моём уважении к Стефану Феодоровичу. Не в нашем случае. Нет, решительно нет! А давайте-ка мы с Вами, дорогой мой Пётр Алексеевич, нанесём визит Ивану Семёновичу и выпросим у того по поводу нашей с Вами беседы.

Классная комната математики и физики, с гостеприимно распахнутой половинкой тяжёлой, крашеной масляною краскою двери, встретила наших знакомых запахом сгоревшего магния, надписью мелом на чёрной школьной доске «Человек вдыхает за сутки 480 кубических футов воздуха. Сколько кубических саженей он вдыхает в простой год?» и раскрытым настежь окном. Под словом «простой» чьей-то шаловливою рукою был нарисован человечек, раскинувшийся в изнеможении «ручки» и «ножки» по сторонам от туловища, напоминавшего высохший с одного боку огурец. В дальнем от окна углу за школьною партою сидел сам Иван Семёнович, что-то записывая в кондуит с такою грозною миною, что ему позавидовал бы окружной прокурор, выступающий перед присяжными заседателями.

– Добрый день, Иван Семёнович, мы, наверное, не вовремя?

– Добрый день, господа. Ну отчего же? Заходите, милости прошу. Чем обязан вашему визиту?

– Видите ли, какое дело, – начал доктор, – не более четверти часа назад Пётр Алексеевич поведал мне изумительную историю, и я, то есть мы, по взаимному разумению, решили, что именно у Вас, Иван Семёнович, можно искать разрешение нашего спора. Даже не спора, как такового, а разрешения нашего затруднения в определении.

– Не совсем понимаю о чём вы, господа. И, смею напомнить, что я математик, а не адвокат, споры не моя епархия, если можно так выразиться.

– О, нет, – продолжил, ничуть не смутившись, Михаил Семёнович, – в данном случае как раз-таки Ваша, смею надеяться.

– Не могли бы вы, господа, перейти к сути вопроса?

– Отчего же не перейти? Пётр Алексеевич, любезнейший, поведайте нашему дорогому Ивану Семёновичу всё как на духу. Прошу!

И Пётр Алексеевич поведал. Минуло четверть часа, прежде чем изумлённый учитель математики и физики открыл рот.

– Эээ, – только и смог сказать он, как к разговору вновь приступил неутомимый Михаил Семёнович, тут же изложивший своё видение предмета беседы.

– Ну так вот, подводя итог, – закончил изложение доктор, – нам с Петром Алексеевичем хотелось бы узнать Ваше мнение, коллега, по поводу всего вышеизложенного. Что Вы обо всём этом думаете?

– Итак, начнём с последнего. Я не знаю такого изобретателя, который мог бы провести подобного рода опыт в нашем городе. Смею вас в этом уверить. И учёного не знаю. – Иван Семёнович скрестил руки на груди и высказался ещё более категорично: – И вряд ли в ближайшем будущем в Калуге такие учёные появятся. Разве что кто-то приедет не по своей воле из Москвы или Петербурга. Надеюсь, вы понимаете, о чём я.

– Ну, разумеется! – доктор и учитель истории многозначительно переглянулись.

– Кроме того, современная наука не располагает сведениями о полётах на, как вы выразились, «летающих пауках». Вообще, даже птицы или летучие мыши имеют крылья для полёта. Да и возможность летать на аппаратах тяжелее воздуха ставится современной наукою под сомнение. Будущее, как мне представляется, за дирижаблями!

– Это не я выразился, – посмел возразить учитель истории, – это тот отрок, что мне снился, рассказывал.

– Далее, – ничуть не смутившись, продолжил учитель физики, – те молнии, которые выпускают из палок, это, разумеется, ружья. Именно так называют оружие белого человека дикари. И Вы, дорогой Пётр Алексеевич, при всём моём уважении к вашему предмету преподавания, не можете не знать, что ваши вятичи были дикарями.

– Да, но как он узнал, что у нас будут ружья? – На сей раз в беседу вмешался доктор.

– Да никак, это всё ночные фантазии мозга уважаемого Петра Алексеевича, – преподаватель физики был неумолим, – ведь Вы, Пётр Алексеевич, читали романы и дикарях? Того же

Купера к примеру? Про Натти Бумпо и прочее в таком роде? Читали! Да-с. Вот и наложилось влияние романа на ваши сновидения.

– А огонь? – историк не сдавался. – Откуда я узнал, как надо добывать огонь с помощью песка? Сколько себя помню, я пользовался для розжига шведскими спичками или угольками из печи. Стыдно признаться, но я даже не очень умею высекать огонь кресалом, как это по сию пору ловко делают в деревнях, да и в городе тоже. И это даже не классическое представление о высекании огня трением с помощью палочки, как у троглодитов или дикарей Африки. О коем я теоретически представление имею. Скажите, Иван Семёнович, возможно ли добыть огонь с помощью того способа, что описан в моих сновидениях?

– Теоретически да, – нехотя признал Иван Семёнович, – коэффициент трения, безусловно, сыграет свою роль при нагреве древесины, да ежели ещё и правильно подобранный трут... То... Да-с, вполне рабочая схема.

– А схема капкана на бобра? А на косулю? Как вы знаете, я не охотник, на косуль капканы не ставил ни разу, – учитель истории и географии взволнованно замахал руками, будто очерчивая в воздухе хитроумную ловушку, – а теперь я не только имею представление о том, как поймать косулю, но и могу Вам, дорогой коллега, рассказать, как её правильно ободрать и выпотрошить. При этих словах историка Иван Семёнович слегка поморщился.

– И ещё я теоретически могу выделать шкуру, – не унимался Пётр Алексеевич. – Приладить боёк к древку стрелы тоже могу. Сварить клей из ершей могу. Теоретически, опять-таки. А ещё я знаю, как печь хлеб из желудей и лепёшки из камыша.

– Ну, это в деревнях у нас многие знают, да щи из лебеды ещё. Недороды, опять же, довольно частое явление. Правительство, разумеется, принимает всевозможные меры, но...

– Согласен, Иван Семёнович, – перебил собеседника с горячностью Пётр Алексеевич, – да только я этим не интересовался ни разу! Жалованья учителя губернской гимназии мне вполне хватает, а ежели где и не хватает, то я могу репетиторствовать! И, по обыкновению, своему, предпочитаю вкусные и питательные блюда. Расстегаи, например, пироги или кулебяку, или могу отобедать в ресторации, в том же «Кулоне», заказав подогретое Chateau «Lafite-Rothschild» под печёного рябчика. Ну и зачем же мне знать, коллеги, как вымачивать жёлуди в ручье для того, чтобы испечь хлеб? Вздор, ей Богу. Кстати, господа, а не отправиться ли нам в «Кулон»? Там за обедом мы смогли бы продолжить наш разговор. Как вы на это смотрите?

– Pourquoi pas? – Михаил Семёнович поддержал коллегу, – Всё лучше, чем стоять в пропахшем гарью после ваших физических опытов кабинете. Пойдёмте в «Кулон»!

– А и пойдёмте! – и через некоторое время спорщики вышли на Никитскую улицу, отправившись по мостовой в сторону Трубянки прогулочным шагом, оживлённо жестикулируя по дороге, и не переставая обсуждать занимающую всю троицу тему. Наконец, все трое расположились за столиком ресторации, в ожидании заказа, состоявшего из Poularde du Mans a la Broche с салатом Coeurs de Romaine, бутылочки Шато Лафит, а также прочей, присущей подобному заказу съестной мелочи.

Неспеша поглощая «консоме прентаньер», наши приятели ни на минуту не оставляли тему захватившей их беседы. Даже внезапно подлетевший официант, предложивший почтенным господам к уже сделанному заказу свежайшие котлеты «марешаль», не помешал развитию новейшей научной мысли в изложении неутомимого доктора.

– Я вот что ещё скажу, господа, – отставив от себя консоме и постукивая ложечкой по краю чашки, продолжал начатый разговор Михаил Семёнович, – процитирую шекспировское: *«Есть многое в природе, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам»*. А что мы, собственно, знаем о природе сновидений или передачи мыслей на расстояние? Или, как сейчас модно стало называть с лёгкой руки мистера Майерса сие явление, «телепатии»? Ни-че-го-с! И это прискорбно!

– Прошу прощения, господа, но я не верю в эту вашу телепатию, – Иван Семёнович поправил заложенную за ворот салфетку и потянулся к лафитнику, – всё это не вызывает ни малейшего во мне пиетета. Увы! Ваше здоровье, уважаемый Михаил Семёнович и Пётр Алексеевич!

– Но как же-с? Вы неисправимый скептик, дорогой мой Иван Семёнович! Вот перед вами живое доказательство передачи мыслей не только на расстояние, но и через время! – горячо воскликнул доктор, в запале указывая ложкой на притихшего историка. – Ведь ранее наш дорогой Пётр Алексеевич не давал повода сомневаться в своих словах и деяниях. И то, что он к нам пришёл сегодня с таким рассказом, испытывая, безусловно, в некотором смысле, душевные муки, является доказательством подлинности его повествования, я прав, уважаемый Пётр Алексеевич?

– Соль. – ни с того, ни с сего вдруг произнёс учитель истории, потянувшись к солонке и внимательно вертя её в руках.

– Что, простите?

– Соль! – ещё громче произнёс Пётр Алексеевич, – Я во сне научился делать соль!

– Да что Вы говорите! – учитель математики и физики недоверчиво окинул взглядом коллегу. – И как же-с, позвольте полюбопытствовать?

– На самом деле не легко, весьма долго и муторно. Нужна лещина или липа. И два горшка.

– Ваш заказ, господа! Прошу! Вот-с, сей момент! – официант наконец-то украсил стол главным блюдом, – С пылу, с жару-с! Может, ещё чего изволите-с заказать? Икорки паюсной? Графинчик беленькой? Новейшее столовое? Десерту?

– Ступай, любезный, всё потом!

– Как скажете-с! – официант в мгновение ока испарился.

Доктор повернулся к Петру Алексеевичу и заинтересованно спросил:

– И как же вы делали соль? То есть, я так понимаю, делали не Вы лично, а тот ваш мальчик, вятич, как же его звали, сейчас, погодите... Вихрушка... Витюшка...

– Вихорка, – грустно произнёс имя отрока учитель истории, наполняя рюмку вином на одну треть. – Звали его Вихорка или Вихря. А соль он, или я, или мы, впрочем, не важно, делали так. Пережигали на плоских камнях или утрамбованной глине орешник или липу, собирали в горшок чистый пепел, заливали его родниковой водой и настаивали всю ночь, а утром выпаривали рапу. Со дна горшка соскабливали соль. А чтобы соли было больше, да чтобы усилить её вкус, я, мы, то есть, добавляли в неё немного чистого пепла. Всё равно получались жалкие крохи.

– Оригинально! – Михаил Семёнович сделал взмах столовым ножом, будто саблей, явно намереваясь лихо зарубить пробежавшего мимо столика официанта. – Ну-с, милостивый мой государь Иван Семёнович, что Вы теперь скажете?

– Скажу, что способ, описанный коллегой, своего рода wissenschaftliche Erfahrung, является любопытным с точки зрения естествознания. С моей же точки зрения, как физика, вполне себе пригоден для изготовления соли, однако, надо понимать, что, кроме, собственно хлорида натрия, в пепле будет содержаться ещё и поташ, и прочие вредные соединения. Так что, возможно, для дикаря такой способ и хорош, но вот для цивилизованного человека непригоден.

– Вы знаете, Иван Семёнович, – медленно заговорил учитель истории, – я, так же, как и Вы, до последнего времени считал вятичей дикарями. Да-да. Несторова летопись, труды Карамзина, Соловьёва и всё такое прочее. Но, увидев, пусть даже в таком странном сне, всё своими глазами, я уже в этом не уверен.

– Вот как?

– Именно так! Дело в том, что тот мальчик, Вихорка, – продолжил Пётр Алексеевич, – был гораздо нравственнее, чем те, кто приходил к вятичам с мечом, если можно так выра-

зиться. Так вот, даже не с мечом приходили, а больше с копьями и саблями. Да и выглядели те, что приходили, совсем не так как мы теперь себе представляем.

– Что, совсем не так, как русские богатыри? – уточнил Михаил Семёнович.

– Вы знаете, дорогой Михаил Семёнович, в глазах отрока эти, с позволения сказать, «богатыри» были сплошь негодяями и отъявленными мерзавцами.

– Даже так?

– Именно так! Более того, – продолжил историк, – и окружающие Вихорку люди также не испытывали к ним каких-либо тёплых чувств. Что для меня, например, было удивительно, как для историка. С другой стороны, если подумать, то почему они вообще должны были испытывать тёплые чувства?

– Но разве их не освободили наши русские князья от дани хазарам? *«Как ныне собирается Веший Олег отмстить неразумным хазарам»*, – вдруг пафосно продекламировал пушкинские строки Михаил Семёнович, в такт размахивая крылышком пулярки.

– Хм... Освободили? Нет. Наоборот, драть стали в три шкуры. Ещё и заложников брать.

– Господа! – В разговор вновь вмешался учитель физики, – Не забывайте, что мы с вами всё же говорим о сновидении нашего коллеги, а не о самой Русской Истории. Кто знает, как там было на самом деле? Боюсь, нам не выяснить это уже никогда. Что было то прошло.

– Зато, благодаря нашему дорогому Петру Алексеевичу мы сможем узнать, что будет, – весело вставил неутомимый доктор, так ведь, милостивый государь? Послушайте, господа, а не заказать ли нам графинчик беленькой? Небольшой. Так, исключительно для продолжения приятного разговора? Человек!

– Слушаю-с! – Появившийся из ниоткуда официант замер в почтительном поклоне перед людьми науки.

– Вот что, любезный, – продолжил с общего одобрения Михаил Семёнович, – а подай-ка, братец, нам что-нибудь русского! Говядинки, томлёной в бруснике, к ней графинчик похолоднее, да чтобы непременно со слезою, да рыжиков солёных с луком, да с постным маслом, вы же не против рыжиков, господа?

Господа, в силу привитого с юности патриотизма, были совершенно не против солёных рыжиков.

– Графинчик-с большой или маленький?

– А что, давай, братец, большой! И расстегаев!

– Вам со стерлядкою или с налимом?

– А? Господа? Что скажете? Хорошо, давай, братец, с налимом!

– Сию минуту-с! – И официант вновь быстро исчез, улетучившись, словно джинн из старой лампы.

– Так о чём я хотел сказать? – ловко нанизав на вилку рыжик, продолжил доктор, – Ах, да! Вспомнил! Про будущее! Как Вы полагаете, дорогой Иван Сем... Семёнович, какое будущее ждёт Россию? Скажем, лет через двадцать? Или того более?

– Трудно сказать, господа, я учёный, а не предсказатель вроде вашего, как там его, Вих... Вихорки и тем более, не мадам д'Эсперанс! – Последняя мысль показалась преподавателю физики забавной, и он рассмеялся, – Да-с, не Эсперанс.

– Хотя, если вы так настаиваете, – продолжил развеселившийся Иван Семёнович, – извольте! Я могу вам обрисовать, по своему разумению, конечно, с точки зрения человека науки, в какой-то степени, наше с вами будущее. О, господа офицеры прибыли-с! Ну-с, будет потеха, бьюсь об заклад!

В залу ресторации тем временем вошли артиллерийский капитан, с щегольско подстриженной бородкой, штабс-капитан и два поручика. Капитан, обеда весёлым взглядом залу, полную презренных штафинок, широким жестом показал своим товарищам на столик у окна, куда

господ офицеров уже зазывал метрдотель. Увидев Ивана Семёновича, капитан поклонился и что-то сказал своим спутникам.

– Кто это? Вы его знаете? – коллеги вопросительно посмотрели на учителя физики.

– Это, господа, Михаил Казимирович, мы были как-то представлены друг другу. Он боевой офицер, сражался с турками. Да-с, ну так вот, о чём-то бишь я? Ах, да, о будущем России. Так вот, я думаю, что лет через двадцать или тридцать в России особо ничего не изменится. Будет развиваться железнодорожный транспорт, благодаря новым веяниям в науке, возможно, даже бурное развитие монорельсовых путей. Будет развиваться телеграфное дело, а паче того, телефонное дело, о бурном развитии которого мы с вами стали свидетелями, благодаря неустанным трудам Павла Михайловича, ну вы и сами о том знаете. Телефон появится не только на почтовых станциях и вокзалах, не только в полицейских участках, но также и в важнейших казённых учреждениях, может быть даже в земских больницах.

– Вы так думаете? – Михаил Семёнович оставил на минуту покрытую золотой корочкой ножку пулярки, обёрнутую белоснежной салфеткой, и заинтересованно посмотрел на физика.

– Да отчего же нет? Россия богатеет, промышленность наша, хоть и медленно, но развивается. Да, мы, безусловно, не Франция, согласен, а тем более не Англия, но тоже кое-что можем, – продолжил увлечённо учитель физики, держа высоко правой рукою нож, и в то же время левой рукою, с захваченною вилкою полоской томлёной говядины, указывая на сцену, где в эту минуту производили свои приготовления музыканты. – Будет бурное развитие электрической механики! Лет через тридцать в каждом доме будет гореть электрическая свеча! А то и две. Далее. А далее паровозам придут на смену электрические механизмы. И будут по России-матушке, от Варшавы до Хабаровска, колесить электровозы!

– Позвольте теперь мне усомниться, – перебил коллегу доктор, – Эк Вы, голубчик, хватили, про электровозы. Да проку-то от них? А ну как пассажиров начнёт трясти этим вашим электричеством? Выйдут они на станции все потрясённые!

И Михаил Семёнович засмеялся от получившегося невзначай каламбура.

– Как вы сказали, коллега? Потрясённые пассажиры? Ой, я не могу, – залился смехом учитель истории, – Это бесподобно! Потрясённые... Ахахах... Надо же!

– Не вижу здесь ничего смешного, – ответил, насупившись, Иван Семёнович, – Я, господа, напоминаю, что рассказываю своё видение! А вот уважаемый Пётр Алексеевич рассказывал нам своё видение! И ничего смешного в том не было.

– Да Вы, сударь мой, не обижайтесь, весьма презабавно вышло, прошу прощения, – миролюбиво возразил Михаил Семёнович, – откушайте лучше с нами, сударь мой, беленькой, да под рыжик, да под золотое колечко луковое, а? За науку, господа?

И господа дружно подняли рюмки с новомодным столовым вином за науку!

– Ах, хороша! Ну так вот, – продолжил подбравший после употребления скользкого рыжика Иван Семёнович, – Россию ожидает просто бурное развитие воздухоплавания. Ея просторы говорят нам о том, что России быть великою воздухоплавательною державою! Посудите сами! Ну зачем нам морской флот? Мы же не Англия! Наши колонии не за морями, а за лесами. Поэтому я чаю развитие воздухоплавательных команд с дирижаблями единственною правильною мерою, способной, господа, при должном усердии к тому правительства, вывести Россию на первое место среди великих держав. И кто знает, может быть лет эдак через пятьдесят российским подданным будет также просто летать на дирижаблях в Туркестан или, скажем, в Австрию. А то и в саму Австралию.

– В Австралию? На дирижабле? В Туркестан ещё куда ни шло, ежели что, то можно и опуститься на землю, пересечь на верблюдов. А в Австралию лететь через океан боязно, – засомневался в таких предсказаниях доктор. – А что ваш Вихорка говорил по поводу полётов, будут люди летать? А, Пётр Алексеевич?

– Будут. Только он говорил не про дирижабли.

– А про что?

– Он описывал серебряные яйца в небе.

– Ну так это и есть дирижабли!

– Господи, Боже ты мой, – хлопнул себя по лбу историк, – как же это я сразу не додумался!? А что, господа, весьма похоже описано, остроумно, с художественным, я бы сказал, вкусом. Нет, ну каково? Так он ещё и серебряных птиц описывал, и пауков летающих, и какие-то кораба. Летит себе корабль, да как повиснет в небе, а из него, господа, пауки вылетают. И разлетаются повсюду, и ни днём, ни ночью от них не скрыться.

– А для чего же от них скрываться? – добродушно полюбопытствовал Михаил Семёнович, намазывая на поджаренный белый хлеб холодный гусиный паштет, – Что людям с тех пауков?

– Очень опасные твари, Михаил Семёнович, страх как опасные, видят в темноте и смерть несут людям. Только под землю от них и прятаться. Так они из-под земли достанут.

– И откуда же взялись эти пауки ужасные? – насмешливо спросил Иван Семёнович.

– А люди сами и развели их, как говорил Вихорка. Обленились, говорит, люди, своим умом перестали думать, всё за них пауки думали. Вот и додумались, что люди им вроде как бы и лишние стали. И решили тогда пауки поначалу всех поссорить, чтобы, значит, из-за пустяков ссорились и друг друга убивали. А потом всех и уничтожить.

– Вздор! – Воскликнул учитель физики, – Я решительно не понимаю, как таковые зловредные пауки могут поссорить людей? Бывает, конечно, люди ссорятся из-за коней, собак или коров, в конце-то концов, или же гусей, и давеча я как раз наблюдал такую сцену на Старом торге. Но, простите, ссориться из-за пауков? Нет, это уму не постижимо.

– Почтеннейшая публика! – Привлѣк внимание к небольшой сцене конференсье, – Прошу вашего внимания! По многочисленным вашим просьбам! Романс «Тихая гора»! В исполнении несравненной мадемуазель Эжени! Прошу, господа!

Послышались робкие аплодисменты и на сцену вышла молодая красивая брюнетка, в шляпке, украшенной перьями, с невысокой тульей и приспущенными полями. Небольшой турнюр кремового цвета совсем не портил её естественные прелести, а изящную шею не смог спрятать даже высокий закрытый лиф. Дива удостоилась второй волны аплодисментов, громче всего, разумеется, восторги исходили от столика, за которым заняли диспозицию, выстроенную по всем правилам современной военной науки, господа артиллерийские офицеры. Наконец, почтеннейшая публика успокоилась и мадемуазель после музыкального вступления запела неожиданно красивым меццо:

*Тиха гора и месяц светит ясно,
Лаская озера застенчивую тишь,
Твой взгляд манит меня, манит меня опасно,
Я вся дрожу, когда со мной ты говоришь.*

*Не запрещай моих воспоминаний,
Из них одних счастливых дней плетётся нить,
Не осуждай, прошу, моих желаний,
Позволь любить тебя, позволь тебя любить.*

*Пусть редки и тайны наши встречи,
Объяты в сумраке мерцающих ночей,
И мой платок, накинутый на плечи,
И зачарованный обман твоих речей.*

*Не запрещай моих воспоминаний,
Из них одних счастливых дней плетётся нить,
Не осуждай, прошу, моих желаний,
Позволь любить тебя, позволь тебя любить.*

*Тиха гора, но туча месяц скрыла,
И небо звёздное пытается укрыть,
Не упрекай меня за то, что я любила,
Не упрекай, что не хочу тебя забыть!*

Мадемуазель Эжени. Рис. Светланы Косматулиной

Надобно пояснить, что во время исполнения романса взор несравненной мадемуазель ненадолго задерживался на каждом столике гостиничной ресторации, выдавая незначительные авансы и тем самым поражая незащищённые мужские сердца. Тяжелейшие потери понесла 2-ая артиллерийская батарея, в одно мгновение лишившаяся поручика, бросившегося тут же за цветами к торговке и штабс-капитана, в отчаянии искавшего глазами так невовремя запропавшегося официанта, дабы сделать тому заказ на парочку бутылок шампанского для дамы. Наконец, певица умолкла, жеманно закрыв тыльной стороной ладони в белой перчатке свои прекрасные очи, и публика взорвалась третьей волной аплодисментов.

Ресторан «Кулон» (кадр из клипа «Тихая гора»)

– Bravo! Bravo! – 2-ая артиллерийская батарея произвела залп в сторону сцены, закидав осаждаемую крепость в виде прекрасной дамы цветами и пробками от шампанского. Поручик даже встал на одно колено, видимо, намереваясь произвести рекогносцировку в нарушение устава, чем не мало смутил сотоварищей. Впрочем, мадемуазель и не думала сдаваться, несмотря на явный численный перевес противника. Вместо того, чтобы выкинуть белый флаг, она запела снова, своими очами, будто картечью, выкашивая неприятельские полевые укрепления. Доставалось не только военным, но и статским. Довольные официанты, будто драгун-

ские кони на параде, уже в нетерпении топтались у стен, переступая с ноги на ногу, в ожидании немислимых чаевых. А между тем, мадемуазель Эжени всё пела и пела:

*Словно клубочек ночью безлунною,
Катится жизнь моя тропкой безумною,
Муки сердечные, ложь и страдания,
И о любви моей воспоминания.*

*Резвою тройкою жизнь моя катится,
И за ошибки она не расплатится,
Катится, катится, словно безумная,
Тропкою узкою, ночью безлунною.*

*Вера, отчаянье, смех и рыдания,
Встречи короткие и расставания,
Страсти фальшивые, пьяные речи,
Руки чужие лягут на плечи.*

*Ночи холодные, дни бестолковые,
Катится жизнь моя тропкою новою,
Знаю, надолго она не затянется,
Скоро со светом и вовсе расстанется.*

*Резвою тройкою жизнь моя катится,
И за ошибки она не расплатится,
Катится, катится, словно безумная,
Тропкою узкою, ночью безлунною.*

– Браво! Браво! Бог мой, как же она хороша, бесподобна! – обратившись к коллегам, восторженно произнёс учитель истории, – Правда же? Ну скажите, господа? Эх... Что за жизнь...

Пётр Алексеевич (кадр из клипа «Тихая гора»)

– Правда. – Ответил мгновенно погрузневший доктор, вдруг вспомнивший, что дома его ждёт дражайшая супруга, Прасковья Андреевна, дочки Оленька, Наденька и сын Митя. – Истинная правда. А что, господа, не пора ли нам и честь знать, так сказать?

– Да, – поддержал коллегу Иван Семёнович, – пора! Счёт!

– Ну что же, господа, – обескураженно заявил Пётр Алексеевич, – как скажете. Пора так пора. Вы домой на извозчике, господа? А я, с вашего позволения, пройдуся немного, развеюсь.

Расплатившись по счёту, дав на чай гривенник и пятиалтынник, вся троица вышла на улицу Никитскую и тепло распрощалась. Михаил Семёнович и Иван Семёнович укатили на извозчике, а Пётр Алексеевич неспеша отправился через Узкий переулок на Кутузовскую улицу, размышляя по дороге, а не нанести ли внезапный вечерний визит Вареньке? И хотя Варенька, несомненно, проигрывала мадемуазель Эжени в молодости и красоте, однако выдающимися формами, умом, пониманием и добрым расположением к неожиданному гостю могла, в некоторой степени, скрасить так некстати скоро закончившийся вечер.

Чёрная звёздная ночь нависла над губернским городом. С Оки веял неутомимый ветерок, разгоняя по безлюдной мостовой, будто серых мышей, первые опавшие листья. Городовой с пышными усами проводил безучастным взглядом фигурку медленно бредущего чиновника министерства народного просвещения и отвернулся.

«Да, непременно надо навестить Вареньку! – Рассуждал, всё более распаляясь от страсти, Пётр Алексеевич, – Опять же, она сама в прошлый раз настаивала на визите. Глядишь, и выйдет у меня с нею! Решено! На Мясницкую!»

И Пётр Алексеевич, встряхнувшись и расправив плечи, широким шагом устремился в выбранном направлении. Он шёл всё более уверенно, позабыв уже и о сегодняшнем визите к доктору, о неудобных и пугающих снах, о прерванном вечере в ресторации, и даже о певичке. Ну, то есть, почти о ней не вспоминал. Всё его естество желало только одного – выбросить из головы всякую чепуху, оставив в ней лишь Варвару и связанные с нею мечтания. В голове назойливо крутились прочитанные в какой-то газете фривольные стихи:

*Живёт моя зазноба в высоком терему,
В высокий этот терем нет ходу никому.
Но я неожиданным гостем – настанет только ночь,
К желанной во светлицу пожаловать не прочь.*

Ловко обходя в темноте небольшие лужицы, учитель истории и географии всё своё внимание, помимо возвышенных и не очень мыслей о Вареньке, уделял земле, устремляя свой профессиональный взгляд географа на мостовую в ожидании неприятностей для своих ботинок, с натянутыми на них блестящими калошами. А высоко-высоко над его новенькой форменной фуражкой с гербом, на покрытом редкими облачками небе, белым холодным светом сияли далёкие звёзды. И не просто сияли, а, исполняя непостижимый простым смертным закон мироздания, соединяли невидимыми лучами судьбы людей, переплетая их сложной паутиной, невзирая на время и пространство. И было в том переплетении прошлого, настоящего и будущего что-то одновременно и пугающее, и прекрасное. Что-то такое неведомое, ради чего только и стоит идти по этой жизни, шаг за шагом. Из туманного прошлого в ещё более туманное будущее. А иногда и возвращаться. Да, да, и возвращаться. Вот такая она, звёздная дорога.

Глава 2.

Провидец

В лето 6490 (982) Вятичи паки не восхотели дань давать и ссылалися с печенегами, чтобы с оными совокупно Владимиру противитися. Но печенеги, не смея Владимира, их принять отреклися. Того ради Владимир втрое на них шед и, победа их, возложи дань сугубую. Оттуда иде в поле и, покорив землю польскую, град Суздаль утвердил.» (30,57) (Татищев)

Сильный раскат грома оглушил Вихорку. Ливень застучал большими тяжёлыми каплями по покрытой корой крыше дома. Капли били по бурой крыше, стенам, поросшей травой заваulinке, по мохнатым огромным елям, окружавшим старенький дом, а также по лицу мальчика, смешиваясь со слезами обиды. Опять его подняли на смех и выгнали из дома. А ведь он не врал! Всё так и было, как он рассказывал... Но... Во сне.

Сколько раз он зарекался не рассказывать никому-никому свои странные сны! Сколько раз! Но снился новый пугающий сон, и отрок снова и снова искал тех, с кем бы он мог поделиться увиденным.

Правда, всё было не так плохо, если Вихорка рассказывал сон из жизни своей деревни. Например, кто из ближних заболеет вскоре или же вдруг кто-то умрёт. Тогда к словам Вихорки хотя бы прислушивались, ибо уже были случаи, когда его сны оказывались пророческими.

Но вот рассказы про совершенно странные и непонятные события вызывали у слушателей недоверие и смех.

– Ну ты и бахарь, – говорили в лучшем случае родовичи, утирая слёзы от смеха. – Умо-рил! Вот врёт складно! Сани, что едут сами!? И где ты такие выдывал?

И Вихорка, насупившись, замолкал, что вызывало ещё больший смех у окружающих. И тогда на глаза набегали предательские слёзы. Вот и сейчас он стоял, размазывая по щекам солёную влагу.

Вдруг мальчик на миг оторопел, взглянув под ближнюю к дому могучую ель. Под могучей еловой лапой стоял необычно одетый старик и строго смотрел на Вихорку.

Удивили мальчика длинные волосы, часть которых была заплетена в короткие косицы, длинная с проседью борода, необычного кроя льняная рубаха, с широкими рукавами, с нашитыми на них чёрными кисточками из меха, а за спиной чужака виднелась перетянутая чёрными кожаными ремнями свёрнутая волчья шкура. Через правое плечо была перекинута чёрная меховая сума. А левой рукой старик сжимал чёрный резной посох.

«Откуда же он взялся? – с испугом подумал Вихорка, – Ведь только что здесь никого не было? И псы молчат, чужого бы слышали издалика!»

– Подойди! – Властно сказал старик и Вихря даже не подумал отказаться. На плохо гнущихся ногах он подошёл к ели.

Старик внимательно посмотрел отроку в глаза и Вихорка съёжился от этого проникающего взгляда.

– Так вот ты какой! – Старик продолжи говорить, не отводя взгляда от мальчика. – И что же на этот раз приключилось?

– А ты кто, дедушка? – Только и смог выдавить из себя Вихорка, удивляясь своей смелости.

– Я то? А зови меня Гораздом. – Дед вдруг улыбнулся, показав целые желтоватые зубы. – А ты, значит, Вихор?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.